

5. Формы несогласия и отстранения

В этой ситуации был неизбежен медленный, но неостановимый рост проявлений протеста. За пределами страны особое внимание привлек феномен диссидентства — наиболее радикального, заметного и мужественного выражения несогласия. Его символом стало выступление 25 августа 1968 г. против советской интервенции в Чехословакию, состоявшееся на Красной площади. В нем участвовало восемь человек: студентка Т.Баева, лингвист К.Бабицкий, филолог Л.Богораз, поэт В.Делонэ, рабочий В.Дремлюга, физик П.Литвинов, искусствовед В.Файнберг и поэтесса Н.Горбачевская. Однако существовали и другие, менее откровенные формы несогласия, которые позволяли избежать административного и даже уголовного преследова-

ния: участие в обществах защиты природы или религиозного наследия, создание разного рода обращений к «будущим поколениям», без шансов на публикацию тогда и обнаруженных сегодня, наконец, отказ от карьеры — сколько молодых интеллигентов 70-х гг. предпочли стать дворниками или истопниками. Поэт и бард Ю.Ким писал недавно в связи со своим последним, прошедшим с большим успехом спектаклем «Московские кухни», что брежневское время останется в памяти московских интеллигентов как годы, проведенные на кухне, за беседами «в своем кругу» на тему о том, как переделать мир. Разве не были своего рода «кухнями», пусть другого уровня, университет в Тарту, кафедра профессора В.Ядова в Ленинградском университете, Институт экономики Сибирского отделения Академии наук и другие места, официальные и неофициальные, где анекдоты об убожестве жизни и о заикании генсека перемежали споры, в которых предвосхищалось будущее?

Наиболее активные формы протеста были характерны главным образом для трех слоев общества: творческой интеллигенции, среды верующих и некоторых национальных меньшинств. Творческая интеллигенция, разочарованная непоследовательностью Хрущева, равнодушно встретила его падение. Новая правящая верхушка, в которой роль главного идеолога исполнял Сулов, с первых же дней не скрывала своего желания окончательно покончить с эпохой культурной «оттепели». В сентябре 1965 г. были арестованы писатели А.Синявский и Ю.Даниэль за то, что издали за границей, под псевдонимами, свои произведения, которые были уже в напечатанном виде ввезены в Советский Союз. В феврале 1966 г. они были приговорены к нескольким годам лагерей. Это был первый открытый политический процесс в послесталинский период. Он был задуман как пример и предупреждение; его главный смысл заключался прежде всего в том, что обвиняемые были писателями, осужденными по статье 70 принятого при Хрущеве Уголовного кодекса, которая определяла состав преступления как «агитацию или пропаганду, проводимую с целью подрыва или ослабления Советской власти... распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Впоследствии эта статья широко применялась для преследования различных форм диссидентства. Реакция в кругах интеллигенции на процесс Синявского и Даниэля свидетельствовала о большом пути, пройденном ею после «дела» Пастернака: 63 члена Союза писателей, к которым присоединились 200 других представителей интеллигенции, обратились с письмом к XXIII съезду КПСС и в Президиум Верховного Совета СССР, требуя освободить писателей и отдать их на поруки. Тем не менее за процессом Синявского и Даниэля последовали другие аресты и осуждения. В частности, были арестованы: А.Гинзбург, который составил «Белую книгу» из протестов против февральского процесса 1966 г., П. Литвинов и Ю. Галансков, основатель «самиздатовского» журнала «Феникс», А.Марченко, автор первой книги о лагерях хрущевского периода («Мое свидетельство»), широко распространявшейся в «самиздате». С апреля 1968 г. диссидентскому движению удалось начать издание «Хроники текущих событий», которая подпольно выходила каждые два-три месяца, сообщая о посягательствах властей на свободу. Обезглавленная волной арестов в октябре 1972 г., редакция журнала с трудом восстанавливалась, и журнал стал выходить эпизодически.

В конце 60-х гг. основные течения диссидентов объединились в «Демократическое движение» с весьма размытой структурой, представлявшее три «идеологии», возникшие в послесталинский период и являвшиеся скорее программами действия: «подлинный марксизм-ленинизм», представленный, в частности, Роем и Жоресом Медведевыми; либерализм в лице А.Сахарова, «христианская идеология», защищаемая А.Солженицыным. Идея первой программы состояла в том, что Сталин искажил идеологию марксизма-ленинизма и что «возвращение к истокам» позволило бы оздоровить общество; вторая программа считала возможной эволюцию к демократии западного типа при сохранении общественной собственности, третья предлагала ценности христианской морали как основу жизни общества и, следуя традициям славянофилов, подчеркивала специфику России. «Демократическое движение» было все же очень малочисленным и насчитывало всего несколько сотен приверженцев из среды интеллигенции. Однако благодаря деятельности двух выдающихся личностей, ставших своего рода символами — А.Солженицына и А.Сахарова, — диссидентство, едва заметное и изолированное в своей собственной стране, нашло признание за границей.

За несколько лет (1967 — 1973) вопрос о правах человека в Советском Союзе стал международной проблемой первой величины, долгие годы определявшей неприглядный образ СССР в мире (показательно, что в значительной мере начавшаяся в 1973 г. деятельность Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе была посвящена этой проблеме)

Таким образом, 70-е гг. отмечены:

— рядом очевидных успехов КГБ («созданного самим обществом для своей самозащиты от происков империалистических разведок и действий враждебных элементов» и «строящего свою работу на принципах социалистической демократии», по словам его главы Ю.Андропова, сказанным в декабре 1967 г.) в борьбе против всех форм диссидентства: арест членов Комитета в защиту гражданских прав, основанного в 1970 г. А.Сахаровым, членов Группы наблюдения за выполнением Хельсинкских соглашений, созданной в 1975 г. по инициативе Ю.Орлова и участников национальных движений Украины, Армении, Грузии и Прибалтийских республик;

— непрерывным падением международного престижа СССР вследствие репрессий, о которых подавляющее большинство советских людей не подозревало, таких, как: помещение диссидентов в психиатрические клиники («дело» Григоренко 1969 г., «дело» Плиуч 1972 г.); «дело» Щаранского (1978 г); домашний арест Сахарова (1980 г.), ссылка и затем изгнание Солженицына (февраль 1974 г), последовавшие за исключением его из Союза писателей (ноябрь 1969 г.) и присуждением Нобелевской премии по литературе (октябрь 1970 г.). Существенное значение имели и скандалы, вызванные «предательством» советских артистов, оставшихся во время гастролей за границей и лишенных советскою гражданства (Ростропович, Любимов и др.).

Помимо довольно узких кругов интеллигенции активный, хотя и не имевший значительного резонанса протест выражали и другие слои общества, среди которых были

— католические круги Литвы;

— советское еврейство; вопрос о все большем ограничении в период 1970 — 1985 гг. прав евреев на эмиграцию из СССР стал наиболее острым в советско-американских отношениях;

— некоторая часть национальной интеллигенции, в особенности на Украине, в Грузии, Армении, Прибалтике, озабоченная массовой миграцией в республики (особенно в Эстонию и Латвию) из России и других регионов СССР и политикой русификации, заключавшейся в введении русского языка в качестве второго национального языка и обязательности его изучения для сдачи некоторых экзаменов в высшей школе.

В стране, в которой любая власть, будь то коллективная на низшей ступени, бюрократическая на средней или деспотическая на верхней, всегда оставалась враждебной к свободному выражению мнений, идущих вразрез с принятыми установками и против самой природы этой власти, к тому же в условиях репрессий диссидентство как выражение радикальной оппозиции и альтернативной политической концепции, защищавшей перед государством права личности, не могло охватить широкие слои общества. Разные формы недовольства и неудовлетворенности проявлялись в советской действительности по-разному. В этом смысле показательна рабочая среда. Две попытки создан независимый профсоюз (сначала инженера Клебанова, в конце 1977 г, потом участников правозащитного движения, организовавших СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся) завершились неудачей, так и не собрав в своих рядах больше нескольких сот человек. Забастовочное движение, еще совсем малочисленное, уже не было, однако, исключительной формой действий; в 1975 — 1985 гг., по разным источникам, произошло около 60 крупных забастовок. Недовольство рабочих проявлялось главным образом в пассивных и скрытых формах, широко распространившихся с 30-х гг.: низкая производительность труда, «текучка», прогулы, низкое качество производимой продукции, растущий алкоголизм. То же можно сказать и о многочисленных объединениях, пользовавшихся некоторой автономией и выступавших за социально-экономические перемены, о чем упоминалось выше. Как в самой политической сфере, так и вне ее, в области культуры, в некоторых общественных науках стали возникать дискуссии, зарождаться различного рода

деятельность, которая если и не была откровенно «диссидентской», то, во всяком случае, свидетельствовала о явных расхождениях с официально признанными нормами и ценностями. Среди проявлений такого рода несогласий наиболее значительными были:

- протест большой части молодежи, привлеченной образцами западной культуры (в частности, «поп»-, а затем «рок»-музыкой);

- экологические кампании (проводимые под руководством Залыгина против загрязнения озера Байкал, а также против поворота сибирских рек в Среднюю Азию);

- критика деградации экономики молодыми «технократами», зачастую работавшими в престижных научных коллективах, удаленных от центра (например, в Сибири);

- создание произведений неконформистского характера во всех областях интеллектуального и художественного творчества (и ожидавших своего часа в ящиках письменных столов или в мастерских их авторов).

Все эти направления и формы протеста получают признание и расцветают в период «гласности».